

ИТАЛЬЯНСКИЕ КАРБОНАРИИ И ПЕРЕДОВАЯ РОССИЯ

М. И. Ковальская

Вопрос о русско-итальянских общественных связях первой четверти XIX в. до последнего времени почти не получил освещения в исторической литературе. Объясняется это, видимо, тем, что Испанская революция 1820—1823 гг.—бесспорно, наиболее значительное и яркое событие того периода—заслонила для многих исследователей революционные события на Апеннинском полуострове, разворачивавшиеся в 1820—1821 годах. Е. В. Тарле, например, писал о «несравненно меньшей степени их (революций в Италии.—М. К.) действия» на будущих декабристов по сравнению с революциями испанскими и о том, что Европа (а следовательно, и Россия) «очень мало знала» об итальянских движениях¹.

В действительности же, как показало изучение архивных документов, эпистолярной и мемуарной литературы, периодики тех лет, русское общество через русскую и европейскую печать получало довольно обширную информацию о событиях, происходивших в Италии. Революции 1820—1821 гг. в Неаполе и Пьемонте привлекали внимание представителей самых различных слоев русского общества, и опыт этих революций глубоко осмысливался передовыми людьми России. Восстановление феодально-абсолютистских монархий во всех итальянских государствах и господства Австрии в Ломбардо-Венецианской области, осуществленное в 1815 г. Священным Союзом, было встречено русскими людьми с горечью и глубоким сочувствием к итальянскому народу. Трезвая и объективная характеристика положения Папского государства в эпоху Реставрации содержится в донесениях русского посла А. Я. Италинского из Рима в 1817 г.: «Ужасы нищеты среди простого народа достигают здесь самой высокой из всех возможных степеней». «Здесь,—отмечал он в 1818 г.,—где взяточничество распространено во всех отраслях управления, налоги разоряют народ и правительство малодейтельно,—все это вызывает всеобщее недовольство». «Следует искать причины (недовольства.—М. К.) в неудовлетворительном осуществлении правосудия, в расхищении государственных финансов и вследствие этого—в увеличении налогов, которыми обременяют народ, в полном отсутствии поощрения промышленности и в самой форме правительства... Правительство попов, как его здесь называют, является объектом всеобщей ненависти»². Князь Г. И. Гагарин, находившийся в Италии в 1817—1819 гг., писал А. И. Тургеневу про «худое правление» в Папских государствах: «Нет правительства на свете менее ограниченного папского. Высокое дворянство здесь очень тоже подло». «Один из знатнейших здесь особ (не поп и потому же глупый человек) сказал мне наемдни: во всей Италии все недовольны до Альпов. Я не удивлюсь, если разбойники усилятся по все-

¹ Е. В. Тарле. Соч. Т. 5. М. 1958, стр. 9—20.

² Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия, 1817 г., д. 10000, л. 74, 1818 г., д. 10002, л. 34; 1819 г., д. 9624, л. 28 об.

му пространству Апеннинов, если к ним присовокупятся недовольные и если из сего выйдет начало общего волнения». В другом письме он сообщал об «ужасной и гнусной нищете» неаполитанского населения, протекающей от «худого правления и следов предрассудков». Побывав в большинстве итальянских государств, Г. Гагарин пришел к заключению, что «все правительства здесь столь дурны, что выше всякого понятия их слабость, нелепость, а иногда и гнусность»³.

Горячее сочувствие Италии, находившейся под «ненавистным ей австрийским владычеством», выражал декабрист М. А. Фонвизин⁴. Общая ненависть к Австрии послужила основой для сближения русского графа Н. Палена с итальянским революционером Федерико Конфалоньери. Об этом рассказал сам Пален в письме Бенкендорфу (потребовавшему в 1826 г. после восстания декабристов объяснений в связи с его перепиской с Конфалоньери): «Мои письма могли содержать из соображений политического характера только замечания об австрийском режиме, по поводу которого у любого беспристрастного человека, прожившего некоторое время в Италии, не могло быть двух мнений»⁵. И в самом деле, Н. Пален в своих письмах не щадил Австрию: он сетовал на то, что их переписке мешают «каналья, которая тиранит Ломбардию», а также выражал надежду, что «вскоре развернутся великие события» и «спустя немного лет у австрийцев больше не будет владений по ту сторону Альп»⁶.

Из деятельности итальянских карбонариев, как и других европейских тайных обществ, стремились извлечь для себя уроки будущие декабристы, вынашивавшие идею создания тайных обществ в России. Декабрист Н. В. Басаргин вспоминал впоследствии: «Народы, убедясь, что нечего ожидать им от правительств, стали действовать сами; а умы нетерпеливые, которых всегда и везде найдется много, решились ускорить и подвинуть общественное дело образованием и распространением тайных обществ. Во Франции, Германии, Италии учредились таковые под разными наименованиями: Карбонариев, Тулендбунда и т. д.»⁷. Широкое использование масонских форм организации было характерно как для карбонариев, так и для первых русских тайных обществ, таких, например, как «Орден русских рыцарей» и «Союз спасения». На основе масонского типа организации хотели создать революционный союз будущие идеологи декабристского движения П. И. Пестель и А. Муравьев, сами деятельно участвовавшие в масонских ложах. И в идеологических основах, и в политической программе, и в принципах организации русских тайных обществ (таких, например, как «Союз благоденствия» и особенно «Общество соединенных славян») при всем их своеобразии и самобытности можно обнаружить черты, роднящие их с карбонариями. Дошедшие до нас «Правила» и «Клятва» «Славян» во многом напоминают карбонарские катехи-

³ Институт русской литературы АН СССР (ИРЛИ), ф. 309, ед. хр. 806 (листы не пронумерованы).

⁴ «Декабристы». Поэзия, драматургия, проза, публицистика. Литературная критика. М.-Л. 1951, стр. 492.

⁵ ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1441, л. 1 об. В действительности эта переписка, как мы увидим ниже, обнаруживала политический характер их связи. Именно от Палена Конфалоньери узнал о существовании в России тайного общества декабристов. Это подтвердил в показаниях австрийской полиции сам Конфалоньери во время допроса в Шпильбергской крепости, после восстания декабристов. Благодаря австрийской полиции и был, вероятно, осведомлен Бенкендорф об этой переписке. О переписке Н. Палена с Конфалоньери упоминают Ч. Канту и Дж. Берти. Часть их переписки опубликована в сборнике: G. Gallavresi. *Garteggio del conte F. Confalonieri*. Vol. 1—3. Milano. 1908—1913. В архивах Москвы хранятся три неопубликованных письма Палена: Конфалоньери, ближайшему другу последнего — Лодовико Ди Бреме (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 707) и Бенкендорфу (ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 1441).

⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 707, л. 2; G. Gallavresi. *Op. cit.* Vol. 2. Pt. 2. Milano. 1911, p. 347.

⁷ Н. В. Басаргин. Записки. Пгтр. 1917, стр. 7.

зисы и клятвы⁸. Стремление руководителей «Общества соединенных славян» к расширению рамок организации (в отличие от всех остальных декабристских обществ) также сближало его с карбонариями.

С особым интересом к деятельности тайных обществ в Европе относился Н. И. Тургенев. Блестяще образованный человек, глубокий знаток экономических наук, выходец из семьи, где свободолюбие стало традицией (близкими друзьями его отца были А. Н. Радищев и Н. И. Новиков), Тургенев был одной из наиболее ярких фигур русского освободительного движения 10-х — начала 20-х годов XIX века. Главное условие переустройства России он видел в уничтожении крепостного права и с этой целью считал необходимым создание тайного общества. Утвердившись к 1817 г. в этой мысли, он тщательно изучил «Правила» немецкого «Тугенбунда», во многом близкого к карбонариям. Особое внимание Тургенев обращал на принципы конспирации, полностью совпадавшие с карбонарскими: члены общества не должны были знать друг друга, они приносили обет молчания, и разглашение тайны каралось смертной казнью⁹. Любопытно, что на книге Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов» какой-то читатель, недовольный либерализмом автора, против слов «Успехи России были бы еще совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности, к благосостоянию не препятствовало существование рабства» сделал пометку: «Nota bene. И, видно, карбонара»¹⁰.

Можно с уверенностью сказать, что сведения об итальянских тайных обществах будущие декабристы черпали не только из таких источников, как пресса и переписка (сообщавшая, как правило, очень мало, так как выходцы из России боялись доверять почте). Скорее всего значительная доля известий доходила до них по устным каналам: благодаря непосредственным контактам с итальянцами или же через людей, так или иначе связанных с итальянскими тайными обществами. Об этом говорил М. Ф. Орлов в письме к А. Н. Раевскому (30 мая 1820), когда делился с другом последними политическими новостями. Отметив раскрытый в Риме заговор, по его мнению, один из признаков нарастающей революционной бури («Везде огонь живет под пеплом, и я очень думаю, что XIX век не пробежит до четверти без развития каких-нибудь странных происшествий»), он замечал далее: «Рассказы приятельские, которые заменяют у нас сообщение перепискою, на сих днях пояснили мне многие происшествия, но сии известия берегу до дня свидания, а поручить бумаге их не могу»¹¹. Было бы преувеличением говорить о наличии прочных организационных связей между карбонариями и будущими декабристами. Однако это не означает, что не существовало никаких контактов между деятелями итальянского национально-освободительного движения и передовыми людьми России¹².

В список декабристов, составленный следственным комитетом, был включен итальянец Мариано Джильи. Там говорилось: «По показанию

⁸ М. В. Нечкина. Движение декабристов. Т. 2. М. 1955, стр. 161; ее же. «Общество соединенных славян». М.-Л. 1927, стр. 27, 94—96.

⁹ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5. Дневники и письма Н. И. Тургенева. Т. 3. Пгтр. 1921, стр. 38.

¹⁰ А. Н. Пылин. Общественное движение при Александре I. Изд. 3-е. СПб. 1900, стр. 421.

¹¹ М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М. 1963, стр. 221.

¹² О связях итальянских и русских революционеров сообщал русский посланник в Неаполе Штакельберг в донесении, посланном в Петербург в разгар Неаполитанской революции 27 октября (8 ноября) 1820 года. Португальский посол в Неаполе сообщил Штакельбергу о том, что якобы «один неаполитанец некоторое время назад прибыл сюда из Петербурга. На всем его пути его снабжали необходимыми средствами тайные ассоциации». По мнению Штакельберга, этот факт служил подтверждением тому, что постоянно расширяющаяся карбонарская организация охватывает ныне и русские земли (АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 8318, л. 25 об.).

Лаппы, он принят был в общество, имевшее целью введение конституционного правления, сим Жильи, преподававшим ему уроки в науках. Однако никто из членов Северного и Южного общества не знал его¹³. Среди скудных сведений об этом обществе, называвшемся «Хейрут» (что по-еврейски означает «свобода»), имеются упоминания и о Мариано Джильи (которого современники называли «Жильи», или «Жили»). Созданный в 1819—1820 гг. Ф. Н. Глинкой, Н. И. Кутузовым и С. М. Семеновым, «Хейрут» был филиалом «Союза благоденствия» и являлся строго конспиративной организацией. Один из активных его членов — Г. А. Перетц (из показаний которого и стало известно об обществе) — сообщил на следствии, что члены его обсуждали вопросы «о Священном Союзе и делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства». Перетц также показал, что с Джильи был связан не только декабрист М. Д. Лаппа, но и другой член тайного общества — Д. А. Искрицкий, с которым «в доме графа Гудовича жил вместе, в одной почти комнате, итальянец Жили (Gili), выдававший себя за профессора и преподававший, кажется, Искрицкому некоторые науки; о сем итальянце Искрицкий говорил мне, что он карбонари, бежавший из своего отечества»¹⁴. Ни о прошлом Джильи, ни о времени появления его в России достоверных сведений в литературе не существовало. А между тем без них нельзя было решить вопрос о том, был ли он действительно итальянским карбонарием. И здесь на помощь пришло письмо самого Джильи, обнаруженное в Архиве внешней политики России. Датированное 19 мая 1820 г., письмо было адресовано русскому канцлеру И. Каподистрии и сопровождало подарок — книгу Джильи «*Eléments de la philosophie du langage*», изданную в том же году в Петербурге. Автор сообщал, что у себя на родине, в Италии, он занимался наукой и народным образованием, опубликовал там множество литературных и философских сочинений и «уже несколько месяцев находится в Петербурге вследствие цепи обстоятельств, о которых здесь неуместно говорить»¹⁵. Итак, Джильи не «выдавал себя за профессора», а действительно был ученым. Занятия вопросами народного образования свидетельствуют в пользу его принадлежности к передовым кругам итальянской интеллигенции, придававшим огромное значение делу просвещения народа. Поскольку в мае 1820 г. Джильи уже несколько месяцев находился в Петербурге, его отъезд из Италии относится, по-видимому, к концу 1818 — началу 1819 г. — времени массовых гонений и жесточайших расправ с карбонариями после провала заговоров 1817—1818 гг. в Неаполитанском королевстве и Папском государстве. Если дополнить этими обстоятельствами главную «улику» — активное участие Джильи в русском тайном обществе, то трудно сомневаться в правоте Перетца, считавшего Джильи карбонарием, бежавшим из своего отечества.

Дальнейшая его судьба известна лишь в самых общих чертах. В 1822 г. общество «Хейрут» распалось. Джильи выехал из Петербурга в Костромскую губернию к какому-то помещику в качестве учителя. В августе 1822 г. он тяжело заболел и в 1824 г. скончался в психиатрической лечебнице. Имя Джильи фигурировало на следствии по делу декабристов. О выводах, которые в связи с этим были сделаны царским правительством, можно судить по словам Николая I, заявившего в беседе с представителем Пьемонта в Петербурге Ди Салем (состоявшейся в апреле 1826 г.): «...Следствие, которое ведется здесь, обнаружило лишь один факт существования прямых связей с Италией, но исповедуемые ими принципы те же, что и у карбонариев. Данные следствия показали, что только один итальянец оказался причастен к планам заговорщиков.

¹³ «Восстание декабристов». Материалы. Т. 8, Л. 1929, стр. 83.

¹⁴ В. Н. и Л. Н. Перетц. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Л. 1926, стр. 60.

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия, 1820 г., д. 4072, л. 2 об.

Что этот человек, изгнанный из Италии, должно быть, за его дурные взгляды, в течение двух лет укрывался в России, где он связался с злонамеренными лицами. Но теперь он уже умер». Ди Саль, передавший это своему правительству в Турин, прибавил далее, что император не смог припомнить имени итальянца¹⁶.

Интерес к итальянскому революционному движению особенно возрос в России в 1820—1821 гг., когда пламя революции вспыхнуло сначала на юге Апеннинского полуострова (в Королевстве обеих Сицилий), а затем на севере (в Пьемонте). Передовые люди России с жадностью ловили сведения об итальянских событиях, сообщаемые европейской прессой. Так, П. А. Вяземский своей рукой переписывал из иностранных газет новости из Неаполя и просил В. А. Жуковского, находившегося тогда в Берлине, прислать ему лучшую карту Италии¹⁷. Несмотря на отданное прессы распоряжение министра внутренних дел Кочубея «не входить в детали, касающиеся Неаполитанской революции» (чтобы воспрепятствовать распространению вестей о революции, порождающих «нехорошие настроения среди офицеров»¹⁸), русские журналы и газеты, и в первую очередь издания, близкие к передовым кругам, обстоятельно освещали ход Неаполитанской, а затем Пьемонтской революций. Хотя, как правило, они не могли выйти за рамки информации и даже вынуждены были подчас давать далеко не сочувственную оценку революционным силам в Италии, им все же удавалось нередко в весьма объективной форме излагать события. Это относится прежде всего к таким журналам, как «Сын отечества» и «Исторический, статистический и географический журнал». Последний, поместив подробный рассказ о начале Неаполитанской революции, всячески подчеркивал, что совершена она была «при единомыслии народа»¹⁹. «Сын отечества» особое внимание уделял целям карбонариев, с одобрением отзывался о деятельности неаполитанского правительства и парламента, сообщал об уничтожении цензуры и разрешении ввоза всех иностранных книг. Обширную информацию давали журналы о событиях в Сицилии, о революции в Пьемонте²⁰.

Немалый интерес представляют письма русских художников, посланных в Италию Академией художеств²¹. Так, переписка Сильвестра Щедрина содержит описания бытовых сцен периода Неаполитанской революции. В письме к родителям от 20 сентября 1820 г. Щедрин заме-

¹⁶ Цит. по: F. Venturi. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino. 1956, p. 42.

¹⁷ Ю. М. Лотман. Вяземский и декабристы. «Труды по русской и славянской филологии» Гартуского государственного университета. Т. 3. 1960, стр. 85.

¹⁸ «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива е. и. в. Канцелярии». Вып. III. СПб. 1902, стр. 364.

¹⁹ «Исторический журнал», СПб, 1820, сентябрь, стр. 226.

²⁰ «Сын отечества», СПб, 1820, № 47, стр. 43; № 33, стр. 332; № 38, стр. 238; «Исторический журнал», 1820, ноябрь, стр. 119—124.

²¹ См., например, письма П. В. Басина к родителям (Рукописный отдел Русского музея, ф. 116, ед. хр. 1, лл. 20 об., 25 об.); письма С. И. Гальберга (там же, ед. хр. 15) и др. В этих письмах события описываются очень скупно и осторожно. Объясняется это тем, что за художниками после того, как разразилась Неаполитанская революция, был установлен строгий надзор. В Риме это было поручено Ф. Матвееву, которому, как писал С. И. Гальберг, следует «попросту название — шпиона» (там же, л. 2). Большинство русских художников, судя по донесениям Италинского президенту Академии художеств Оленину, вели себя примерно, то есть «не знали с немецкими студентами» и не участвовали, подобно им, в «политических событиях». Об одном лишь Оресте Кипренском посланец не мог отозваться положительно, о чем рассказал С. Щедрин в письме к Гальбергу: «Министр, писавший президенту разные похвалы об нас, упомянул там, «что об Кипренском он этих похвал не может сказать» (Э. Ацаркина. Орест Кипренский. «Новый мир», 1935, № 7, стр. 262). Когда на основании этих донесений Александр I увеличил пансион за «примерное поведение» во время итальянских событий Щедрина, Гальбергу и Крылову, Кипренского обошли (см. Э. Ацаркина. Орест Кипренский. М. 1948, стр. 126—128). Хотя документов, свидетельствующих об участии или сочувствии Кипренского революционному движению 1820—1821 гг., не обнаружено, неопровержимым остается тот факт, что именно с 1820 г. художник попал в опалу.

чал, что не мог рассказать о случившихся здесь переменах с начала до конца, так как у него было слишком мало времени, «да и по многим другим причинам оное невозможно». Далее он описал городок Кастель Аларо (недалеко от Неаполя): «Я увидел везде кучи народа с ружьями, у кого что нашлось, у других — через плечо трехцветные ленты, от всех только и было слышно: Конституция, свобода и проч.». Далее Щедрин писал о Граньяно, городке, где он часто работал и где обзавелся множеством знакомых «из мужиков, отставных солдат и прочих людей... Лишь я показывался, они тотчас меня окружали, рассказывали мне разные новости. Их страшно беспокоят австрийцы, почему они спят с открытыми окнами и с заряженными ружьями, чтоб при приближении неприятеля тотчас быть готовыми к защите»²².

Глубокий и объективный анализ причин Неаполитанской революции и ее характера содержится в письме, полученном С. И. Тургеневым²³ из Неаполя от его друга — полковника русской армии Р. Уинспира, который писал 4 декабря (22 ноября) 1820 г.: «Старое министерство, причина всему случившемуся... убивало и грабило правосудие, собственность, коммерцию, промышленность и нравственность народа. Сим гнусным и неблагоприятным способом оно умножало ежедневно число недовольных, указывая им путь к верному освобождению от бремени, на них наложенного. Оно ускорило еще более свое разрушение составлением провинциальных милиций, в которых находились по большей части люди имущественные всякого рода, а более *petits propriétaires* всех недовольнее, потому что за один налог главной земли надобно было платить 30 процентов, а сей таксовался еще глазами корыстолюбия. Прибавьте к тому множество других платежей отяготительных, и вы увидите тогдашнее состояние сего бедного народа. Карбонарии распространялись сильно к усовершенствованию перемены; начальники в провинциях представляли о сих явных переменах, а министерство (слово незаборчиво.— М. К.) только собственному и бесстыдному обогащению и оставалось чуждым в настоящих своих отношениях. Его власть погибла вдруг с появлением новых законов, без потрясения малейшего или беспорядка какого-либо рода. Смежная с Италией империя старалась всеми силами привести все в расстройство и возмущение... Теперь взоры всех направлены на положение конгресса». Понимая, что столь сочувственное освещение событий может повредить ему, Уинспир в конце письма заклинал С. И. Тургенева «именем священной дружбы» «никому... не говорить о том, что здесь пишу. Вы знаете последствие, какого бы я должен ожидать, если бы высокое начальство узнало, что я забочусь о политических делах... В сих делах одному только тесному другу решусь обнаружить свои мысли». Ход событий в Неаполе, вероятно, внушал Уинспиру опасения, что дело может пойти «слишком» далеко. Это отразилось в тоне приписки, сделанной к тому же письму: «Я забыл одно обстоятельство, которое прибавлю здесь: хотя общее спокойствие в сем королевстве еще не нарушено, однако же оно вовсе неверно. Правительство нетвердо ступает к сокращению духа неповиновения во всех классах людей, или лучше сказать, сей дух оттого и увеличился, что его не удержали тотчас после революции. Карбонаризм обнял земледельцев, войско, управляющих и часть большую духовенства. Он поступает во вред должного порядка и дает справедливый повод

²² С. Щедрин. Письма из Италии. М.-Л. 1932, стр. 137—140.

²³ С. И. Тургенев, младший брат декабриста Н. И. Тургенева, находившийся во время революции 1820—1821 гг. в Константинополе на дипломатической службе, с радостью встретил весть о Неаполитанской революции. Многочисленные записи в его дневниках свидетельствуют о том, что он с неослабным вниманием, интересом и сочувствием следил за ходом итальянских событий. Родной брат Р. Уинспира Дэвид — подданный Неаполитанского королевства — во время революции был членом Неаполитанской джунты. В цитируемом письме имеется упоминание о переписке Дэвида с одним из старших братьев Тургеневых.

бояться смятения — ибо вся чернь тут же — благосмыслящие из них сами не могут удержать. Говорят, что наверно австрийцы займут королевство. Большая их армия в Италии и в боевом порядке»²⁴.

А. С. Пушкин позднее вспоминал об этом времени в стихотворении «Недвижный страж дремал», где в нескольких строках перед читателем предстает картина революционного подъема в Европе:

«Давно ли ветхая Европа свирепела?
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал.
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал?».

И о той же поре — в X главе «Евгения Онегина»:

«Тряслися грозно Пиреней,
Волкан Неаполя пылал»²⁵.

В записной книжке А. С. Пушкина есть следующие слова (на французском языке): «Орлов говорил в 1820 году: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона»²⁶. В стихотворении «В. Л. Давыдову» (1821 г.) Пушкин вспоминал о своей встрече с друзьями в имении Давыдовых-Раевских в Каменке:

«...Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлою струей.
И за здоровье тех и той²⁷
До дна, до капли выпивали!
Но те в Неаполе шалят,
А та едва ли там воскреснет...
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет».

Однако пессимистические ноты, связанные с полученными в те дни вестями о подавлении Неаполитанской революции, сменяются надеждой на грядущую победу народов над тиранами:

«Ужель надежды луч исчез?
Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чаши причастимся»²⁸.

Размышляя над революционными событиями 1821 г. в Греции, Пушкин вновь возвращается к итальянским революциям и замечает: «Странная картина! Два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха — и, возобновленные, являются на политическое поприще мира»²⁹.

Об отношении декабристов к западным революциям сообщал царю в 1821 г. в своей «Записке о тайных обществах» доносчик Грибовский: «Они не могли скрыть глупой радости при происшествии в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы принудить государя возвратиться скорее и не допустить иметь близкое деятельное участие к успокоению Европы»³⁰. Известный декабрист В. К. Кюхельбекер оказался по соседству с Пьемонтом (в Ницце), когда там разразилась революция. В путевых заметках он записал: «Слухи, распространившиеся в послед-

²⁴ ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 2391, лл. 3 об.—5. Это письмо с некоторыми купюрами было опубликовано С. С. Ланда в статье «О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России, 1816—1820» в сборнике «Пушкин и его время» (Л. 1962, стр. 170).

²⁵ Извергающийся Везувий как образ Неаполитанской революции встречается не только у Пушкина. В записных книжках декабриста Н. А. Крюкова сохранился рисунок извергающегося вулкана, относящийся к 1820 г. (ЦГИАМ, л. 475, л. 32).

²⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 12. М. 1949, стр. 304.

²⁷ Карбонарнев и Неаполитанской революции.

²⁸ А. С. Пушкин. Стихотворения. Т. 3. Л. 1955, стр. 119.

²⁹ А. С. Пушкин. Собрание сочинений. Т. 10. М. 1962, стр. 26.

³⁰ «Русский архив», М., 1875, кн. 3, №№ 9—12, стр. 426.

ние дни моей бытности в Ницце об движении пьемонтских карбонариев, бунт Александрии и ропот армии, предчувствие войны и разрушения удвоили мое уныние»³¹. Тогда же поэт создал стихотворение «Ницца»:

«Гром завоет, зарев блески
Ослепят унылый взор;
Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор:
Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысячи штыках сверкнет;
Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет»³².

Радость по поводу восстания против врагов вольности — «ненавистных тудесков» — австрийцев — омрачена предчувствием поражения восстания.

Многие декабристы в показаниях на следствии, в мемуарах, написанных много лет спустя, отмечали немаловажную роль итальянских событий в формировании их мировоззрения³³. «Много также нашему либерализму содействовали и внешние события, как-то: движение карбонариев, заключение (в тюрьму Шпильберг) Сильвио Пеллико Австрией», — писал впоследствии декабрист А. П. Беляев³⁴. Особенно сильно воздействие оказали революции в Италии на декабриста Александра Поджио. Сказались и его итальянское происхождение и юность, проведенная в Одессе, порте, тесно связанном с южноевропейскими странами, где проживало много итальянцев. «Впал в сравнения, — показывал А. В. Поджио на следствии, — и тут стал убеждаться в необходимости видеть свое отечество, ставшим наряду с просвещеннейшими народами... Дух преобразования волновал народы. Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция одно за другим приняли образ свободного правления»³⁵ (то есть установили конституционно-монархический строй. — М. К.). Сочувствие итальянским революциям выражалось в России подчас в весьма действенных формах. Так, декабрист С. Г. Волконский рассказывал о члене «Союза благоденствия» И. П. Липранди, который «просил у начальства дозволения стать в ряды волонтеров народной итальянской армии и по поводу неприятностей за это, принятое, как дерзость, его ходатайство, он принужден был выдти в отставку»³⁶. Неаполитанский генерал П. И. Коллета среди других иностранцев, ставших борцами за свободу неаполитанцев во время революции, упоминал одного русского, к сожалению, не называя его имени³⁷.

³¹ «Литературное наследство». Т. 33—34. М. 1939, стр. 341.

³² В. К. Кюхельбекер. Сочинения. В 2-х тт. Т. I. Л. 1939, стр. 455.

³³ Об этом говорил барон В. И. Штейнгель («Из писем и показаний декабристов». М. 1960, стр. 679); Миклашевский (М. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909, стр. 247), Д. И. Завалишин («Записки». Т. I. Мюнхен. 1904, стр. 84) и др. Это, конечно, не означает, что их влияние было определяющим. Самобытный характер русского революционного движения хорошо понимали сами декабристы. Вот что писал Завалишин: «Несправедливо, во-первых, чтобы военные революции в Испании, Португалии и Италии определяли характер тех средств, которыми тайные общества в России намерены были совершить переворот, во-вторых, чтобы крайние средства были заимствованы из европейских революционных идей, а не из своей собственной истории» (Д. И. Завалишин. Указ. соч. Т. I, стр. 213).

³⁴ «Русская старина», СПб., 1881, март, стр. 488.

³⁵ «Восстание декабристов». Т. II, стр. 37. О Поджио см.: F. Venturi. Op. cit. pp. 22—23.

³⁶ С. Г. Волконский. Записки. СПб. 1901, стр. 308. Впоследствии Липранди, став чиновником министерства внутренних дел, сыграл самую гнусную роль в деле петрашевцев. Видимо, в связи с этим пушкинист П. А. Садиков ставит под сомнение искренность Липранди в его стремлении отправиться в Италию (см. П. А. Садиков. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х гг. «Временник Пушкинской комиссии». Т. 6. М.-Л. 1941, стр. 266—295). Как бы то ни было, если Садиков и прав, основанием для поступка Липранди могло быть только стремление вызвать одобрение товарищей.

³⁷ P. Colletta. Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825. T. 2. Parigi. 1837, p. 259.

К началу 20-х годов XIX в. все очевиднее становилась разница в подходе к важнейшим проблемам, выдвигаемым действительностью у будущих декабристов, с одной стороны, и у сторонников либерально-умеренных взглядов — с другой. Бесспорно, что в те годы между людьми, примыкавшими к этим направлениям, было еще очень много общего. Их связывали и среда, и вкусы, и настроения, а подчас и родственные узы. Так, очень близки по духу были братья Тургеневы, но вместе с тем Николай стал одним из ведущих деятелей «Союза благоденствия», а Сергей и особенно Александр во многом расходились с членами тайных обществ. Однако все передовые люди России считали революционные перевороты исторически неизбежными и оправданными для стран Западной Европы. Касаясь неаполитанских событий, декабрист М. А. Фонвизин писал: «...Возникшая в Неаполе новая конституция приписана к заговору карбонариев и признана незаконною, как будто самостоятельная нация не имеет права переменять образ своего правления и устанавливать новые законы внутри своих пределов»³⁸. Право неаполитанского народа на революцию утверждал и С. И. Тургенев: «Зачем постоянно угрожать разрушением общества, цивилизации? Разве погибла она в Англии, во Франции, в Америке, в Испании после происшедших там революций?» «Разумеется, дипломаты этими происшествиями недовольны, — записывал он вскоре после начала революции, — им странно кажется, что вдруг решилось такое дело важное. Как будто бы оно может решиться иначе, как вдруг! Мысли, понятия зреют, но когда плод поспел и вы его не снимаете с дерева, то он сам падает. Они также вопиют против силы солдатских армий. Но что же важного не посредством солдат делается?.. Я ничего не хочу пророчествовать неаполитанцам, а еще менее прочим итальянцам. Но, понимая их, я не сожалел о революциях спокойных и бескровных. Если они будут успешны, то от всего сердца буду им радоваться. В противном случае буду сожалеть. Впрочем, идея не пропадет, а возродится рано или поздно»³⁹. С. И. Тургенев восхищался Неаполитанской революцией, особенно отмечая ее «спокойный, бескровный» характер. Эта сторона революции привлекла и Р. Уинспира, подчеркивавшего, что революция произошла «без потрясения малейшего или беспорядка какого-либо рода», и Н. Палена, писавшего 18 октября 1820 г. Конфалоньери: «Ультрароялисты всех стран взбешены спокойным характером действий, в результате которых исчезли абсолютистские правительства». Пален говорил о военной революции, когда царит полное «единодушие между всеми классами»⁴⁰.

Вместе с тем представители оппозиционных кругов русского дворянства, не примкнувшие к декабристам, считали, что в России невозможно и вредно повторение опыта западных революций. Тот же С. И. Тургенев полагал, что при рабстве народа невозможно его просвещение, а непросвещенный народ, стремящийся к освобождению от гнета, — сила, угрожающая существованию цивилизованного общества. Поэтому главное — освобождение крестьян сверху и тем самым предотвращение крестьянского мятежа, а затем уже переход к конституционным преобразованиям. 2 апреля 1821 г. после изложения вестей о Пьемонтской революции он записал в дневнике: «Сколько русских должны были бы считать себя счастливыми, потому что они надежно защищены от всех революций, если бы они могли надеяться, что их правительство будет достаточно мудрым, чтобы самому осуществить важные и необходимые перемены внутри страны...»⁴¹.

Европейский революционный подъем 20-х годов вызвал бурю чувств

³⁸ «Декабристы», стр. 489.

³⁹ ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 27, л. 61 об.; ед. хр. 26, лл. 56 об., 57 об. Значительная часть этой записи приведена и в статье С. С. Ланда в сборнике «Пушкин и его время».

⁴⁰ G. Gallavresi. Op. cit. Vol. 2. Pt. 2, p. 348.

⁴¹ ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 28, л. 12 об.

и мыслей у молодого П. А. Вяземского. Находясь в эти годы в Варшаве на дипломатической службе, он изливал свою душу в письмах другу — литератору А. И. Тургеневу, брату декабриста Н. И. Тургенева. Вяземский прекрасно понимал, что все его письма просматриваются царскими чиновниками и что он многим рискует, откровенно высказываясь в них по всем волнующим его проблемам. Действительно, дело кончилось его увольнением со службы. Но молчать он не мог, несмотря на многократные предупреждения значительно более осторожного А. И. Тургенева. Записные книжки и письма П. А. Вяземского 1820—1821 гг. свидетельствуют о горячем сочувствии западным революциям. «Конечно, насильственные меры народов нехороши,— писал он А. И. Тургеневу 20 августа 1820 г.,— но что же делать, когда правительства кривят душою и путаются. Я говорю этим господам: «Ведь не бесовское же наваждение ставит вверх дном Европу. Смятение людское: не ищите причин ему в мире метафизики заоблачной, а здесь, на земле. Человек мечется. Вы говорите: «Он испорчен», и начнете читать ему проповеди. Нет, он болен. Он требует помощи. Пища, которую вы ему даете, нездорова; ноши, которые вы ему на плечи кладете, несносны и прочее и прочее...»⁴². Однако и Вяземский считал неприемлемым для России революционный путь. После того, как разразилась Испанская революция, он писал Н. И. Тургеневу (24 марта 1820 г.): «Я за Испанию рад, но, с другой стороны, боюсь, чтобы соблазнительный пример испанской армии не ввел бы в грех кого-нибудь из наших. У нас, что ни затей, все будет пугачевщина». Та же боязнь народного бунта была причиной неприятия Вяземским идеи создания тайного антиправительственного общества. Беспощадная критика, которой Вяземский подвергал русское самодержавие, имела целью заставить последнее встать на путь конституционных преобразований. Любопытно, что бунт Семеновского полка в 1820 г. Вяземский рассматривал как нравственный протест семеновцев против гнета самодержавия и видел в нем средство, которое может побудить царя вступить на путь реформ. «Эта русская строка современной истории,— писал он А. И. Тургеневу,— по мне плодovitее страниц Испанской и Неаполитанской»⁴³.

Таким образом, анализ революционного движения в Италии приводил различных представителей русской интеллигенции к противоположным выводам. Мысль о неприемлемости для России революционного пути, поскольку военный переворот неизбежно выльется в «пугачевщину», и надежда на реформу отделяли сторонников либеральной доктрины от членов тайных обществ, которые считали военную революцию единственно возможным путем преобразования России. Именно отсутствие революционной перспективы все больше уводило в сторону от пути, по которому пошли будущие декабристы, даже таких, во многом близких к ним, людей, как П. А. Вяземский и С. И. Тургенев.

Серьезным политическим уроком для декабристов были провозглашение в Неаполе конституции и деятельность неаполитанского парламента. Любопытно, что некоторые декабристы, мало знакомые с конституционными проектами Н. Муравьева и П. Пестеля и не разобравшиеся в их самобытном, специфическом русском характере, приписывали авторам этих конституций стремление провозгласить конституцию «наподобие предложения такого же в Италии»⁴⁴. Испанская конституция 1812 г., послужившая образцом для итальянцев, высоко оценивалась многими декабристами. Так, Н. И. Тургенев подчеркивал демократический характер этой конституции, где «Кортесы — все, король — весьма немного... Испанский народ показал себя столь почтенным, столь благо- разумным; правительство же испанское показало себя столь глупым и

⁴² «Остафьевский архив князей Вяземских». Т. 2, ч. I. СПб. 1899, стр. 49—50.

⁴³ С. С. Ланда. Указ. соч., стр. 189, 197.

⁴⁴ «Записки декабриста Н. И. Лорера». М. 1931, стр. 296.

гнуемым, что может быть такая только конституция может спасти государство». Вместе с тем, как мы уже отмечали выше, первостепенной задачей для России в то время Н. И. Тургенев считал не провозглашение конституции, а уничтожение крепостного права, без чего были бы недействительны, по его мнению, никакие политические преобразования⁴⁵. П. А. Вяземский, видевший в конституции средство разрешения всех социальных и политических проблем России, гневно осуждая тех, кто злорадствовал по поводу поражения неаполитанцев, писал 18 марта 1821 г.: «Народ еще незрел до конституции! — говорят нам здесь и там... Народ может быть переспелым для конституции, так, но никогда — незрелым. Чем понятие первобытнее, тем отношения, связи, побуждения проще и естественнее, тем их представительство легче и удобнее... Конституция должна быть более содержанием тела народного, предохраняющим его от болезней и укрепляющим его сложение, чем лечением, когда болезни уже в теле свирепствуют»⁴⁶. Факту провозглашения конституционного режима в Италии придавал огромное значение Н. Пален. Вместе с тем характерно, что он считал необходимым для Италии разработать иную (конечно, менее демократическую) конституцию, чем испанская, которая содержала, по мнению Палена, множество недостатков⁴⁷. Декабристы проявляли большой интерес к деятельности неаполитанских парламентариев. Много записей на этот счет находим мы в дневнике Н. И. Тургенева. «Неаполитанские известия сильно меня занимают, — записал он, например, 19 марта 1821 г., — с тех пор, как я заметил много умеренности, истинного ума и благоразумия в членах Неаполитанского парламента. Нет никакого хвастовства в речах их; но везде заметно глубокое чувство негодования к несправедливости и чувству патриотизма»⁴⁸.

Изучение опыта как испанской, так и итальянских революций способствовало преодолению конституционно-монархических иллюзий и формированию республиканских взглядов у наиболее радикально настроенных декабристов. С уроками итальянских и испанской революций связывал республиканские взгляды Рылеева декабрист Г. С. Батеньков⁴⁹. В санкционировании Священным союзом интервенции австрийских войск в Неаполь и Пьемонт, в предательстве неаполитанского и испанского королей и т. п., по словам Пестеля, он «находил неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые»⁵⁰. Декабрист А. П. Беляев вспоминал, что в те годы «имя Меттерниха произносилось с презрением и ненавистью»⁵¹. П. А. Вяземский не раз выражал свои симпатии неаполитанцам и высказывал твердое убеждение, что Австрия не имеет права вмешиваться в дела Неаполя. Самыми резкими словами бичевал он конгрессы Священного союза в Троппау и Лайбахе, конгрессы «владык

⁴⁵ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5. Т. 3, стр. 227. В связи с этим отношение к западным революциям у Н. И. Тургенева было двойственным; 29 августа 1820 г. он записал в дневнике: «Если (русское) правительство имело в виду освобождение крестьян и если европейские происшествия имели противное влияние на сии благие намерения правительства, то о сих происшествиях истинные сыны России должны сожалеть» (там же, стр. 236). Сходными были взгляды С. И. Тургенева (ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 26, л. 77 об.; С. С. Ланда. Указ. соч., стр. 83).

⁴⁶ П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Кн. 2. М. 1963, стр. 62—63.

⁴⁷ G. Gallavresi. Op. cit. Vol. 2, pt. 2, p. 347.

⁴⁸ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5. Т. 3, стр. 260. С одобрением отзывался о неаполитанском парламенте и журнал «Сын отечества»: «В Неаполе господствует спокойствие. Члены парламента занимаются важными государственными постановлениями. Некоторые из них... отличаются красноречием и основательными познаниями дел государственных» («Сын отечества», 1820, № 47, стр. 43).

⁴⁹ «Литературное наследство». Т. 59. М. 1954, стр. 211.

⁵⁰ «Восстание декабристов». Т. 4, стр. 91.

⁵¹ «Русская старина», СПб, 1881, март, стр. 488.

самовластных, кузнецов народных оков, которые собрались с тем, чтобы закинуть эти цепи и на те народы, которые мужественно вырвались из-под желез самовластия. Этот конгресс (в Троппау.— М. К.) не что иное, как заговор самодержавия против представительного правительства»⁵².

«Суд был короткий,— писал М. А. Фонвизин.— Сто тысяч австрийцев вступили в неаполитанские владения, уничтожили все, что им было угодно, и учредили в Неаполе австрийское военное правление. Тут прекращаются всякие размышления, тем более, что от союзников обещано прислать еще двести тысяч войска, буде нужда того востребует. Священный союз возглавил при сем случае новое политическое право: повируйтесь силе и, хотя оно умолчано в решении конгресса, но дела и происшествия весьма красноречиво это объясняют»⁵³. С особой беспощадностью клеймили лучшие люди России решение царского правительства принять участие в интервенции в Италии. «Вот добрый случай кипеть негодованию. Сердце рвется с досады»,— писал в те дни П. А. Вяземский⁵⁴. И в письмах и в записной книжке он не раз возвращался к мысли о недопустимости русского похода в Италию: «Неужели должен я считать порочным тот голос, который отзывается у меня в глубине души на вопрос: пожелаю ли успеха нашим войскам, если бедствие, с высоты престола увлекающее Россию в бездну, устремит их на Италию для довершения народодобульственных предприятий? — Будь я русский воин, ни на минуту не задумался б я и отказался от похода... Чем соблазнишь русских, ополчая их на защиту мнения, от коего они сами погибнут, против коего вооружились бы сами не хуже других, буде правительство их не следовало системе помрачения (противность просвещению), отучившей рассуждать и мыслить большую часть народа? ...Может ли государь убежден быть в Лайбахе и Россию знающий по своей дорожной карте, что не найдется в тех полках, кои он в поход посылает, несколько людей, отказывающихся от послушности и могущих увлечь в непослушность целые батальоны... В тихую погоду легко погасить пламень: при сильном ветре малейшая искра разнесит пожар. В наше время поднялся ветр в Европе»⁵⁵. «Мы, русские,— писал П. Г. Каховский во время следствия по делу декабристов генерал-адъютанту Левашову из Петропавловской крепости,— внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не так видят нас, они видят, что силы наши есть резерв деспотизму Священного союза... Некоторое время император Александр казался народам Европы их миротворцем и благодетелем; но действия открыли намерения, и очарование исчезло! Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и тяжкие, ржавые, железные давят человечество»⁵⁶. Какое мужество и твердость духа надо было иметь, чтобы писать такие слова за несколько дней до казни!

Гнев и возмущение по поводу действий Александра I, принявшего самое активное участие в подавлении итальянских революций, чувство солидарности с итальянскими революционерами помогли будущим декабристам осознать свое движение не только как исключительно русское; оно получало, таким образом, и интернациональную окраску. О настроениях многих офицеров рассказывали и сами участники похода — будущие декабристы. Так, Н. И. Лорер вспоминал впоследствии: «Через не-

⁵² «Остафьевский архив». Т. 2, ч. I, стр. 92. «В нынешних газетах,— писал он А. И. Тургеневу 5 декабря 1820 г.,— есть нота неаполитанского министерства ко всем державам, а в особенности австрийской,— победительной силы по своей ясности и истине. Каждый здраво и благомыслящий человек то же думал об отношениях Европы и Австрии к Неаполю. Тут не по-нашему — дипломатический оссианизм и библейское словоизвятие, а чистосердечное изложение запроса, по каким правам впутываются в домашние дела народа, который сам никому не указ» (там же, стр. 114).

⁵³ «Декабристы», стр. 489.

⁵⁴ «Остафьевский архив». Т. 2, ч. I, стр. 160.

⁵⁵ «Записные книжки П. А. Вяземского». Кн. 2, стр. 60.

⁵⁶ «Из писем и показаний декабристов». М. 1906, стр. 14—15.

делю корпус выступал к западным границам, а мы еще не знали настоящей мысли государя... Неужели движение наше делается против итальянских карбонариев и тайных обществ?»⁵⁷. «Этот поход произвел двойное влияние на тульчинскую молодежь, — отмечал Н. В. Басаргин. — С одной стороны, следование в Италию и боевая жизнь радовала сердца юношей... с другой же, цель похода противоречила их мнениям...»⁵⁸. Поскольку после выступления русских войск пришли вести о том, что австрийцы подавили революционные очаги в Италии, поход был отменен. Но вопреки надеждам царского правительства, что этот поход охладит пыл революционно настроенной молодежи, «офицеры всех полков, более свободные от службы, чем в Петербурге, и не подвергаясь такому строгому надзору, как в столице, часто общались между собой, и много новых членов поступило в тайное общество»⁵⁹, — писал И. Д. Якушин в своих «Записках».

Весть о том, что Неаполитанская революция оказалась задушенной почти без сопротивления, была встречена лучшими людьми России с горечью и разочарованием. П. А. Вяземский в письме А. И. Тургеневу замечал: «Непонятное дело, как это сильное напряжение могло так скоро постижно ослабнуть»⁶⁰. «Неаполитанские происшествия меня взбесили»⁶¹, — писал В. Ф. Раевский своему другу К. А. Охотникову. Передовая русская общественная мысль пыталась найти причины на первый взгляд необъяснимого факта столь быстрого поражения неаполитанцев. Раздумья об этом встречаются в дневниковых записях и письмах Н. И. Тургенева, дневниках С. И. Тургенева⁶². Вот запись Н. И. Тургенева 26 марта 1821 г.: «Неаполитанцы не сражаются: бегут. Если это так, то мы увидим разницу между энтузиазмом на трибуне и истинным энтузиазмом. Народ не действовал так, как говорил парламент»⁶³, — писал он 1 апреля брату Сергею. Характеризуя уроки итальянских и испанской революций 1820—1821 гг., К. Ф. Рылеев пришел к выводу, что революция в России «не как в Неаполе, Пьемонте и даже в Испании, не может быть прекращена чужеземной силою»⁶⁴.

Несмотря на поражение итальянских революций, передовая Россия сохраняла веру в то, что Италия все-таки станет единой и независимой. Эти надежды — и в приведенных выше стихах А. С. Пушкина и в записи П. А. Вяземского.

⁵⁷ «Записки декабриста Н. И. Лорера», стр. 61.

⁵⁸ «Записки Н. В. Басаргина». СПб. 1913, стр. 11. Во главе русской армии Александр I предполагал поставить генерала А. П. Ермолова, и с этой целью последний был вызван в Лайбах. Сославшись на болезнь, Ермолов явился к царю на две недели позже назначенного срока, 26 апреля, когда «Неаполь уже был взят австрийцами» и «пьемонтское возмущение австрийцы в первые минуты и без затруднения преодолели» («Алексей Петрович Ермолов». Материалы для его биографии, собранные М. Погониным. М. 1864, стр. 243).

⁵⁹ И. Д. Якушин. Записки, статьи, письма. М. 1951, стр. 52.

⁶⁰ «Остафьевский архив». Т. 2, ч. I, стр. 115.

⁶¹ «Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов». Т. 2. М. 1951, стр. 391.

⁶² ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 28, л. 21 об.

⁶³ «Архив братьев Тургеневых». Вып. 5. Т. 3, стр. 260; «Декабрист Н. И. Тургенев». Письма, стр. 331.

⁶⁴ «Литературное наследство». Т. 59. М. 1954, стр. 211 (из показаний Г. С. Батенькова о Рылееве).